

Мерцание

Автор:

Олег Игнатъев

Мерцание

Олег (В) Игнатъев

Наши дни. Провинциальный городок, куда возвращается после долгих лет отсутствия главный герой, растративший часть жизни на бессмысленные искания. Он встречает здесь свою новую любовь, девятнадцатилетнюю девушку, и встречается с любовью прежней – обладательницей сногшибательной красоты и миллионов долларов, которая приехала в родной когда-то для неё город по делам. Однако жизнь и логика не имеют между собой ничего общего, и жизнь нельзя предсказать – он теряет обеих.

Мерцание

Олег (В) Игнатъев

© Олег (В) Игнатъев, 2023

ISBN 978-5-4483-8039-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Весна спустилась с небес первым дождём, широкими, синими штрихами чертившим по унылой картинке небольшого городка, точно нарисованного провинциальным художником на листе грубой бумаги. И теперь на ожившей этой картинке дождь оставлял акварельные разводы, что стекали со стен домов и заборов в пузырящиеся лужи безлюдных улиц и с широкими ручьями утекали в грязные переулки.

Удары грома, мощно и раскатисто сорвавшись с высоты, самой торжественной музыкой разбудили в сердцах жителей этого уединённого места, едва очнувшись от зимней пьяной спячки, желание снова жить.

Даже им, этим людям, вечно сонным и всегда, словно во хмелю, показалось сейчас – на одно лишь мгновение, на один лишь короткий миг, молнией пронзив их души, – что ангел опустил на землю и, взмахнув крылами, наполнил воздух свежестью нового рождения весны. Свежестью нового прихода жизни после ещё одной смерти. Увы, они решили, что им это, действительно, всего лишь показалось, так как божественный всё озаряющий пламень, когда вдруг случилось видеть его, они принимали за эпизод их сновидения – ослепляющий и оттого пугающий, – а тот сон, тот гипноз, в который всех нас погружают при рождении, они по привычке считали жизнью. Оттого свет, которым бог одаривает нас ещё в колыбели, в душах этих людей год от года становился всё тусклее и тусклее, а костёр жизни всё угасал и угасал и теперь угадывался лишь тлеющими угольками в золе, едва заметные отблески которых уже не могли осветить сумерки этих душ, и темнота, просачиваясь в умы, тучами глупых и чёрных мыслей выливалась в людские страхи и страсти.

К сожалению, не было ветра мощного и свежего, чтобы раздуть пламя жизни, которое светом своим осветило бы дорогу к вечному, а блуждая в темноте среди затхлых болот и спотыкаясь о коряги, невозможно найти дорогу к твёрдой земле, невозможно увидеть вешки своего пути.

Так и жили из года в год жители этого городка. Впрочем, как, наверное, и жители всех остальных подобных мест во многих других отдалённых и не столь уголках света.

Дождь закончился. Было тихо и безветренно в этот серо-голубой, первый по-настоящему весенний вечер. Вниз по улице катились тонкие ручейки, в кои превратились бурные потоки, ещё недавно водопадом обрушившиеся с неба, а в душе не было ни слёз, ни страха, ни усталости. Лишь непонятное чувство жило в ней, ни то на радость похожее от сладкой любви, ни то, наоборот, – на муку. И от любви ли? И скорее томилось, нежели жило, ибо жизнь подразумевает полноту её ощущений в безоглядном стремлении жить сейчас, а не копание в сундуках памяти, или вовсе – прогнозах будущего. Так или иначе, шёл я в этот чудный вечер по почти безлюдной улице к дому на её окраине. Тянуло лёгким дымком, как будто где-то жгли прошлогоднюю листву, и нежная дымка весны, смешавшись с ним, кружила приятно голову.

Дом этот, как и ещё несколько таких же, был построен в духе не то неоклассицизма в понимании этого стиля архитекторами ушедшей в прошлое империи, не то, как раз, ампира, и стоял нелепой пятиэтажной громадиной на окраине города. По карнизу – лепнина из пятиконечных звёзд и колосьев, посередине – аж до третьего этажа, словно чёрная пасть, – арка.

Рядом с ним мостились разнотипные кирпичные здания из двух и трёх этажей, чьи стены почернели от непогоды и времени, а фундаменты покрылись пятнами тёмно-зелёной плесени. Тут же, неподалёку, уютись и частные домишки, утопающие зимой в сугробах снега, а летом – в зелени деревьев. Синезелёнокоричневокрашенные заборы, а за ними кусты акации, сирени да разросшиеся яблони.

Я подошёл к дому и остановился на углу. Сейчас хотелось наслаждаться каждой минутой, каждой секундой этого вечера, каждым мгновением жизни. Как будто что-то снизошло на меня с небес вместе с этим дождём. словно смыло смерть перед смертью. словно Бог омыл смерть перед жизнью. Каждый глоток этого весеннего воздуха, каждый глоток этого голубого тёплого вечера доставлял моей душе несказанную радость. Я наслаждался жизнью, я вдыхал её полной грудью, я вдруг начал чувствовать всё величие её. Она входила в меня вместе с каждым новым вдохом, и я дорожил ей, точно на выдохе в любой следующий миг эту жизнь могли отнять. Я отчётливо вдруг понял, что жить нужно каждым мгновением, которое есть именно теперь и только сейчас. Упала секунда в бездну прошлого – и нет её более, и не будет уже никогда. Сделал шаг – минул миг. Это был твой ценный миг, потому что это был миг твоей жизни. А ты в это время грустил о прошлом или упивался будущим. Раз – и частичка жизни исчезла, два – и ещё одна. И так без конца: секунда за секундой проходит

жизнь, а ты в это время грезишь, спишь наяву. А когда спишь, не можешь почувствовать вкус жизни, вкус Бога. Когда-то мне это сказала моя бывшая теперь уже подруга, которая была значительно старше меня и которая, приплыв откуда-то издалека вместе с рекой жизни, наплатила меня своей живительной силой, напоила собой, словно чистой водой, и водами этой же реки уплыла дальше – в океан бесконечности. Я долго осмысливал те знания, что она мне дала. Умом подобного не постичь, и потому понадобилось время, чтобы я смог ощутить самим своим существом силу и полноту жизни в каждом миге. Однако с увеличивающимися познаниями себя и мира увеличивалось во мне и ощущение смешанности чувств, их, как будто, противоречивости. Росло ощущение радости, счастья, но вместе с тем нарастала и тоска.

От охватившего меня наслаждения на несколько мгновений я прикрыл глаза. Вдохнул ещё раз аромат этого вечера и шагнул в арку. Теперь я жил не предчувствием встречи, как бывало всякий раз до сего вечера, а звуком своих шагов, что слышался под сводом арки, теперь я жил каждым шагом, поднимаясь по лестнице на последний этаж к заветной двери, прикосновением к звонку её квартиры, моментом встречи наших глаз.

– Привет, – сказала она негромко и нежно, и волна приятного озноба пробежала по моему телу. Звук её голоса плыл в моей голове.

– Привет, – тихо и мягко ответил я.

Она отступила в бархатную темноту прихожей, пропуская меня в квартиру, и темнота эта, словно обняв девушку, укрыла её своим мягким плащом. Высветился на несколько секунд, косо кинувшись с пола на стену, и тут же погас жёлтый прямоугольник света из проёма входной двери. Дверь закрылась. Мы растворились в мягком полумраке и, слившись в поцелуе, стояли так, наслаждаясь этим поцелуем, полностью погрузившись в него и, каждый, живя сейчас только им. Разве, целуясь, влюблённые могут думать ещё о чём-то? Мы словно пили сладкое вино друг друга. Ещё глоток, и ещё. Последнее короткое прикосновение к чаше поцелуя и мы снова встретились взглядами. Полумрак. Мы не могли видеть всей глубины, всей силы наших переживаний, что отражались в наших глазах, но мы чувствовали один другого, а это больше, чем взгляд.

– Я ужин приготовила, – сказала она.

- Спасибо, - ответил я, и снова её голос сладким туманом обволок моё сознание.

- Пойдём?

- Да, - я улыбался.

Мы прошли в просторную кухню, окно которой, как и окно её спальни, выходило на пустырь, где города уже не было, и казалось, что и остального мира нет, а только перелески да унылые луга тянутся до горизонта, где и сливаются размазанной синью с блеклым небом. А дальше - рай. Или ад. Сейчас казалось, что только одна дорога существует из этого города - через бесконечный пустырь - в бесконечность неба. Секунда - шаг, шаг - секунда. Старомодные часы на стене громко отсчитывают мгновения. Каждое мгновение без сделанного шага - путь в забвение, каждое мгновение без сделанного шага увеличивает расстояние через этот пустырь. Кажется, что эти часы не торопятся, что они отсчитывают секунды медленнее, чем льётся само время. Для вечности секунды не важны, для вечности время ничто...

- Вкусно? - улыбнувшись, спросила она.

- Очень, - ответил я правдиво.

Мы сделали по несколько глотков красного недорогого вина и, закусив немного, сидели сейчас друг против друга. Я прикоснулся к её руке. Она смотрела мне в глаза, и я смотрел на неё. Необычайная лёгкость и ощущение свободы, пришедшие сегодня на смену унынию и апатии, захватившим меня несколькими днями ранее, владели сейчас мной.

Всё так же глядя на меня, не меняя выражения лица - и это было немного странным - она спросила:

- Ты хочешь уехать отсюда?

Вопрос был несколько неожиданным, но я знал на него ответ.

- Да, - не колеблясь, ответил я спокойно.

Она отвела взгляд в сторону. Посмотрела в окно.

- Милая, сейчас, в данное время, я с тобой, мы вместе. Зачем забегать вперёд. Придёт время уехать – я уеду. Может быть, с тобой, может быть, один... мы ведь даже не знаем, что будет через минуту, так зачем думать о том, что может случиться когда-то.

- Ты прав. Просто я всё время думаю о будущем. А сейчас, когда встретила тебя, думаю о будущем с тобой. О нашем с тобой будущем.

- Не думай о будущем, живи настоящим. Я тоже до недавнего времени то прятался в прошлом, то убегал в будущее... Буду ли я в твоём будущем – неизвестно, а в настоящем я есть. Прямо здесь, сейчас и с тобой.

- Тебе этого достаточно?

- Да.

Я встал из-за стола, она вслед за мной. Не говоря ни слова, я увлёк её в спальню, где белыми благоухающими свежестью простынями ждала нас приготовленная уже постель.

Она была моложе меня. Первая женщина, которая была моложе меня. Я не беру в расчёт короткие интрижки бурной молодости, когда женщины облетали с моего букета точно лепестки отцветших роз. Я говорю о тех, что остались навсегда в моей памяти, светом своей любви озаряя мою жизнь. Все эти женщины были либо моими ровесницами, либо старше меня и порой много старше. Этой же моей возлюбленной было всего лишь девятнадцать лет. Стоит ли опускаться до эпитетов, когда женщине только девятнадцать лет?! И всё же: не бархатистая, нежная кожа, не юное тело, не большие серо-голубые глаза и не волнующе-возбуждающие стоны в наших коротких ночах влекли меня к ней, а влекло меня к этому тонкому юному деревцу, в одночасье распустившемуся всеми своими прелестными цветами, нечто иное, что передать обычным, вербальным образом невозможно. Такое возможно только почувствовать, но чувства свои в точности пересказать не сможет никто, чувства описанию неподвластны, иначе они превратятся в математику, или того хуже – в статистику, а это всё – мёртвые науки. Настоящие же чувства мёртвыми быть не могут. Иногда их можно передать через ощущения, которые в свою очередь

можно показать лишь отдалённо, при условии, что ты способен созерцать, и понять их сможет только созерцающий то же самое.

Сейчас, глядя на это воплощение нежности и грации, я вспомнил себя в прошлом. Я сидел на постели, окно было открыто, лёгкий ветерок колыхал прозрачную штору, и она обнажённая стояла напротив меня, но меня уже не было здесь...

Когда-то я был одиноким молодым деревом в степи. Тогда меня обдували ледяные ветры зимой, жгло солнце летом и редкие дожди хлестали холодными струями моё загрубевшее тело. И так было много лет, очень много лет... За те годы я научился радоваться и этим ветрам, принимая их ярость, как желанную свежесть после долгих дней нестерпимой жары, и жару после зимних лютых морозов. И пил с благодарностью воду небес, что из разорванных чёрных туч лила свои струи. Ветер сплетал эти струи в тугие плётки и хлётко бил ими моё стройное тело. А то вдруг разбрасывал их рваными нитями в разные стороны. Но я был рад этим ледяным потокам, этой живительной влаге поящей меня, рад не смотря на жестокость матери-природы рождённую добротой Существования. Я был рад Жизни.

Тогда я ещё не был человеком, даже зверем не был. Но уже не был и камнем. А доброта и сила Бога, заполняющего собой безвременье и бесконечность Вселенной, наполняющего собой каждую клетку Мира, позволили моему сгустку энергии, как и многим другим подобным мне энергиям, бесконечным множеством огоньков мерцающих в глубинах космического океана и кем-то называемых душами, перейти на новый уровень существования, где новые ветры, и новая жара, и новые холодные дожди снова стали основным, главным для роста более совершенного существа, оживлённого ещё более мощным сгустком энергии, способным в человеке духа высшего уровня совершить однажды прыжок и... раствориться в бесконечности, чтобы уже никогда не быть и быть всегда. А пока я был одиноким молодым деревом в степи...

– Милый, – услышал я её голос, – мне показалось, тебя здесь нет. Мне стало так страшно, а ты молчал. Ты молчал и тебя, словно, здесь не было.

Она сделала шаг к кровати, села на неё, наклонилась ко мне и прижалась. Она дрожала.

– Я люблю тебя, – говорила она, – люблю.

– Я люблю тебя, – отвечал я, – люблю.

Я лёг поверх одеяла на спину и повлёк её к себе.

– Иди ко мне, милая. Ляг рядом, – уже шептал я.

Мы лежали в постели и смотрели в окно. Последняя тучка ушла прочь, и теперь полная луна, подвешенная кем-то в поднебесье, ярким белым фонарём освещала верхушки деревьев на дальней окраине пустыря.

– Если бы не ты, я сошла бы с ума в этом городе. Я здесь родилась, жила здесь всегда, он мне нравился... до поры... но теперь с каждым днём он становится всё более чужим. Я его уже почти ненавижу... – пауза. – Почему так?

– Просто это пространство становится для тебя тесным... примитивным. Ты развиваешься, а пространство нет. Оно мало для тебя и его хватает только людям, которые боятся нового. Оно соответствует той энергетике, которую наработали живущие здесь люди. Они довольны пространством, пространство довольно ими, – в словах моих не было поучений – лишь констатация.

– Но ведь и ты здесь живёшь.

Я немного помедлил, встал с кровати, налил, из стоящей на столике бутылки, коньяку, сделал глоток и подошёл к окну:

– И я... Ты права. Меня здесь не было много лет, но я снова вернулся сюда и снова уже несколько лет живу здесь. Ты, конечно же, хочешь знать, почему я вернулся и почему здесь до сих пор живу?

– Хочу.

Я усмехнулся краешком губ:

– Хорошо, я расскажу... Хотя... может быть, как-нибудь потом?

– Но ты ведь никуда не торопишься?

– Нет... – пожал я слегка плечами.

– И я не тороплюсь, – сказала она.

– Ладно... Длинная история, правда...

«С чего бы начать?.. – думал я. – С того, или с того?.. Да всё просто: начну всё по порядку, чтобы всё было ясно и понятно».

– Знаешь... я уехал отсюда, когда мне едва исполнилось двадцать. Всё вроде стало складываться, как я хотел: и картины мои пользовались спросом – нашёлся один человек, а точнее, дама, что попервости помогла мне выставляться, – и альбом своих песен записал... короче, расцвёл в творчестве по полной программе и был на седьмом небе от счастья. Представь себе: в двадцать с небольшим быть востребованным и там, и там... Многие об этом всю жизнь мечтают, а здесь всё и сразу. А самое главное, о деньгах никогда не думал – они всегда были. Так прошло несколько лет. Всё, что я затевал – всё получалось. Постепенно я начал терять бдительность что ли... стал всё чаще и чаще отступать от себя самого, предавать себя, и однажды забыл себя настолько, что уже не мог вспомнить каков я есть на самом деле. Мне хотелось всё больше и больше, а больших усилий при этом я прикладывать не желал. Хотел много, делал мало. Потом я понял: до определённого момента мне всё давалось согласно моим заслугам, но я превысил их лимит, забыл, что, давая больше, Бог, или кто там есть, и спрашивает больше. Картины мои перестали продаваться; то, чем недавно ещё восторгались, теперь называли мазнёй, хотя техника моя была великолепна; я много писал, но журналы перестали вдруг брать мои стихи и новеллы. Говорили: большой загруз, всё расписано на год-два вперёд. Я растерялся и вместо того, чтобы вернуться к себе и постараться пережить духовный кризис, а значит, и более легко – материальные затруднения, впал в отчаяние и в боязни остаться без куска хлеба пошёл работать торговым представителем в одну контору по продаже каких-то консервов. – Я замолчал, и она молчала; после некоторой паузы продолжил. – Финансовая ситуация постепенно выровнялась, я снова обрёл некую свободу в материальном плане, но дверь в свой внутренний мир почти не открывал, а её

петли всё ржавели и ржавели... однажды я решил войти в неё... но не смог открыть.

Я снова замолчал и только смотрел на луну. Лишь теперь я увидел налёт пафоса на последних своих словах, какой высокопарный дурак, однако её это ничуть не смутило.

– А почему не смог открыть? – спросила она тихо, и чувствовалось, как она близко к себе принимает мою историю, видимо понимая, что выбрала тот же путь, что и я, когда оказался трусом.

– Потому что и петли, и засовы её, – я усмехнулся своей излишней и несколько примитивной аллегорией, – заржавели, пришли в негодность... Поработав несколько месяцев и проявив себя, в желании заработать больше денег, с наилучшей, по мнению начальства, стороны, я стал бригадиром, или, как говорят теперь, супервайзером, затем, ещё через полгода, – начальником отдела продаж. Всё шло хорошо, я гордился собой, но... как-то всё... из этой конторки я ушёл потом в крупную фирму, которая занималась производством алкогольной продукции, и там моя деловая карьера сложилась, лучше не придумаешь: за короткое время я стал руководителем крупнейшего региона, и в подчинении у меня было уже более ста человек. При этом работать приходилось по десять-двенадцать часов, порой и выходные прихватывая. Жизнь неслась мимо и я её не замечал. Хотя жить хотелось. Я имею в виду не только в материальном плане, материально благополучно, за что и приходилось платить такую цену, но хотелось ещё и в небо смотреть без спешки, и видеть это небо. А если отдыхать в красивом месте, то не для галочки, чтобы потом похвалиться друзьям, впопыхах прилетев к райским берегам и впопыхах же улетев обратно, а так, чтобы забыть обо всём на свете и наслаждаться только морем, пальмами, женской красотой. Дошло до того, что усталость стала побеждать даже желание секса. А я всё тешил себя, всё уговаривал: ну вот ещё годок и – уйду. Ну вот ещё немного заработаю и тогда займусь наконец искусством, вернусь к творчеству. При этом даже писать пытался и красками на холсте, и ручкой на листе бумаги или в ноутбуке, с которым я почти не расставался. Но делать одинаково хорошо, одинаково качественно и работу, и творчество не получалось, нельзя было найти в таких условиях золотой середины. Противоречия же внутри меня только углублялись, делая состояние моё всё более болезненным, в том числе и на физическом уровне, пока однажды ночью я не проснулся в холодном поту от мысли, что жизнь проходит, а я трачу её только на то, чтобы успеть на хорошей машине поездить, в хорошей одежде походить, несколько раз

заграницу съездить, да в ресторанах посидеть, при этом даже не с друзьями, а с нужными людьми. А что дальше? – я вздохнул.

Ночь за окном её квартиры и ночь за окном жизни.

– ... Я встречал людей, которые много зарабатывали и при этом ещё кредитовались в банках. Кредиты им были нужны не для покупки необходимой машины или столь важной квартиры – всё это было у них, – а для того чтобы сменить уже имеющуюся и без того хорошую машину, мебель, всякой ерунды, типа третьего телевизора, купить. А в портмоне у них было по несколько кредиток... Азарт состязания в благополучии порой выше разума. Это ведь настоящее соревнование: у кого новее автомобиль, у кого больше квартира, дом; кто, куда съездил на отдых и, если человек владеет собственным бизнесом, какую сделку совершил, чтобы стать ещё богаче, чтобы ещё больше бояться стать бедным. Это – смысл жизни для многих. Пожалуй, для большинства. И я сам уже почти погряз в этом. Много работаешь, хорошо зарабатываешь; устал – расслабился алкоголем и – дальше. Неизвестно сколько времени мне ещё понадобилось бы для того, чтобы сделать шаг к себе, если бы однажды я не услышал музыку бесподобную: играла гитара и играла так, словно разговаривала со мной. Словно человек рассказывала мне о грустном, смеялась вздохом, делилась тоской расставания и взрывалась любовью. Я узнал имя этого гитариста, и когда он приехал в город, где я жил, я тут же купил билет и отправился на его концерт. Когда я вошёл в зал, где в ожидании музыканта несколько гитар на пустой сцене красовались в свете прожекторов, маня и очаровывая, точно влекущие к себе женщины, точно долгожданный праздник пришёл, сначала я едва не заплакал от открывшейся мне правды о самом себе, затем, когда начался концерт, сидел и зачарованно слушал волшебную музыку этого невысокого, в странных белых одеждах и в ботинках на толстой подошве человека. Я видел, как он погружался в музыку, соединялся с ней, жил этой музыкой и был самой музыкой.

Вот после этого концерта я и проснулся в холодном поту и ознобе.

Я снова замолчал.

– И что было дальше? – спросила моя юная любовница.

– А дальше... дальше я принял решение бросить всё и начать путь к себе. Начать всё сначала. Вернуться туда, откуда я когда-то ушёл. Даже не ушёл, а убежал, сломя голову. Этот гитарист словно разбудил меня. Потом я узнал, что он в своё время сам прошёл трудный путь. Сейчас он обеспеченный человек, но начинал он с того, что выступал на Арбате. Есть-то хочется. Но он был настоящим художником, поэтому и не испугался трудностей. Поэтому за ним, благодаря его преданности музыке, и коммерческий успех последовал.

– Милый, а это важно – коммерческий успех? – спросила она как будто с опаской.

Я улыбнулся:

– Не будь идеалисткой. А как есть-пить без денег? На какие шиши одежду покупать, за здоровьем следить? Ты думаешь, я против денег? Нет, конечно. Я даже за то, чтобы у меня были большие деньги. Всё дело в цене... в том, какую цену платит человек за свой комфорт: или ты прогнёшься за возможность быстренько достичь желанного, сделать карьеру, или... Если ты прирождённый воин, зарабатывай воинством, если ты прирождённый врач, врачуй. К тебе потянутся люди, за ними потянутся деньги, и будет это всё без напряжения и страха. Просто нужно заниматься тем, для чего ты рождён и не бояться временных трудностей. Это так просто. Поэтому, если все станут сами собой и начнут выполнять своё предназначение, то и нужды ни у кого, ни в чём не будет. Главное – не предавать себя, не искать лёгких путей, которые на поверку оказываются самыми глупыми и страшными. Почему врач плохо лечит? А он не врачом хотел быть, а художником, просто мама с папой решили, что врач – это престижно. Почему у одних бизнес процветает, а у других рушится? Потому что эти другие либо вовсе не дельцами рождены, нет в них предпринимательской жилки – думают, дешевле купил, дороже продал – и все дела, либо отклоняются от выбранного вектора и начинают совершать ошибки. Вместо того чтобы бизнес контролировать, начинают контролировать свою половую жизнь. Вместо того чтобы дела вести, доверяются наёмным менеджерам, а тех, зачастую, кроме годового бонуса любым путём, ничего не интересует. Ну да ладно: это уже из другой пьесы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: https://telnovel.com/ignat-ev_oleg/mercanie

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)